

ставов, а значит, и путь обеспечения высокого функционального качества систем, что совершается в природе самоорганизационно (подробнее см. [4]). Самое удивительное здесь то, что по одному лишь значению относительной информационной энтропии (количеству информации), подобно термометру, можно судить о состояниях сложных систем, проводить диагностику их нормы и патологии. На это обратил внимание еще Ленин, поручив секретарю найти такой *index-number* (число-показатель), который одним своим значением выражал бы состояние «всего нашего народного хозяйства» [3, т.53, с.122-123].

Спектр применения критерия чрезвычайно широк: от систем геополитических, банков, бирж, отраслей народного хозяйства отдельного государства, до структур организма, сложнокомпонентных «микстов»: хлеб, вина, медикаменты, косметика, детское питание, зажигательная спичечная масса, бумага (филигрань), стёкла (флинты), фарфор, бетоны, кирпич и т.п. К примеру (от 07.02.17), интегральная мера, относительная энтропия корзины валют из пяти компонентов $\hat{H}\{\$, \text{€}, \text{рос.рубль}, \text{юань}, \text{гривна}\} = \hat{H}\{58,7121; 63,1566; 1,0000; 8,5536; 2,1585\} = \hat{H}\{0,4395; 0,4728; 0,0075; 0,0640; 0,0162\}$, равна 0,618. $\hat{H}$ в течение года отклонялась вверх-вниз не более чем на 0,001, что говорит о гармонии содержимого этой корзины. На данном пути выясняется также, что ценность белорусского рубля при его деноминации завышена примерно в 6 раз.

Литература:

1. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994.
2. Магнитов С.Н. Расщепление монизма как знак его кризиса / <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0001/005b/00011772.htm>.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 т.
4. Сороко Э.М. Структурная гармония систем. – Минск: Навука і Тэхніка, 1984. (4-е изд.: М.: U.R.S.S., 2012).

Черемных Н. М.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ СПЕЦИФИКИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Правомерно ли говорить о какой-то особой – реально существующей – «постнеклассической» науке и особом «постнеклассическом» типе научной рациональности? Действительно ли наука вступила (или вступает) в новый период своего развития – постнеклассический?

«Современная наука, – пишет В.С. Степин, – на переднем плане своего поиска – поставила в центр исследований уникальные, исторические развивающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой реализации этой установки» [1, с. 636]. В

этом высказывании содержатся два ключевых аспекта, анализ которых позволяет выявить специфику постнеклассического этапа развития науки.

1. Онтологический. Переход к постнеклассической рациональности связан с обращением науки к новому типу объектов – сложным саморазвивающимся «человекообразным» системам, примером которых являются физико-химические самоорганизующиеся системы, объекты биотехнологий, экологические системы, биосфера и т.д.

В процессах взаимодействия с такими системами человеческое действие не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Одним из первых обнаружил «человекообразность» самоорганизующихся систем И.Р. Пригожин. «Почему именно сегодня, – пишет Пригожин, – в естествознании заговорили о нестабильности, тогда как прежде господствовала точка зрения детерминизма? Дело в том, что идея нестабильности не только в каком-то смысле теоретически потеснила детерминизм, она, кроме того, позволила включить в поле зрения естествознания человеческую деятельность, дав, таким образом, возможность более полно включить человека в природу» [2, с. 47].

Развитие открытых самоорганизующихся систем носит нелинейный характер, т.е. предполагает несколько, абсолютно равноправных вариантов развития. Нелинейность существенно меняет представления о способах существования объектов. Оставаясь всеобщими, нелинейные связи с необходимостью являются *обратными*, т.е. предполагают влияние не только причины на следствие, но и следствия на причину. Этот механизм рассмотрен в концепции становления понятия времени в химии на примере теории саморазвития элементарных открытых каталитических систем (ЭОКС) А.П. Руденко. В ней было показано, что в отличие от динамики, обеспечивающей однозначность линейного описания на основании прошлого состояния системы, нелинейность задает характер и направление развития из будущего [3, с. 174].

2. Эпистемологический. Изменяются ли наши представления о том, что объективно, а что субъективно в науке под влиянием кардинальных изменений, происходящих в современной науке?

Можно вновь обратиться к словам И.Р. Пригожина о том, что если природе присуща нестабильность, то «человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему его миру, – хотя бы из-за неспособности однозначно предсказывать то, что произойдет в будущем» [6, с. 47]. Включаясь во взаимодействие с системами нелинейной природы, человек имеет дело не с жесткими предметами и свойствами, а со своеобразным «спектром возможностей». Перед ним в процессе деятельности каждый раз возникает проблема выбора некоторого варианта теоретического описания из множества возможных путей эволюции системы. Причем сам этот выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан.

Если перевести слова Пригожина на язык современной философии науки, то можно сказать, что в постнеклассической науке категории «субъект» и «объект» включены в социально-культурный, ценностный контекст научной дея-

тельности. Здесь субъект уже не рассматривается как некий абстракт, как застывшая готовая форма, в которую можно вложить любое содержание. Ж.-П. Сартр говорил, что свобода и ответственность субъекта конституируют его как субъекта морального действия. Точно так же можно сказать, что специфика познавательного процесса, включенного в социально-культурный, ценностный контекст, конституирует субъекта познания. Выбирая тот или иной вариант теоретического описания, субъект познания зачастую вынужден действовать свободно, как говорится, на свой страх и риск, если опора на существующие стандарты, парадигмы не дает результата.

Литература:

1. Степин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
2. Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии, 1991. № 6. С. 46-52.
3. Черемных Н.М. Время в химии: становление концепции // Философские исследования. 2001. № 4. С. 159-175.

Чуешов В. И.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АРГУМЕНТОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА, ИЛИ ПРИНЦИП ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И НОВАЦИИ Я. ХИНТИККИ

По компетентной оценке российских ученых, «научные интересы Хинтикки поражают разнообразием. Теоретико-игровая семантика, аналитические таблицы, индуктивная логика, теория доказательств, инфинитарные логики, интенциональные логики (И) и пропозициональные установки, философия науки, история философии и логики (Аристотель, Декарт, Кант, Пирс, Фреге, Витгенштейн, Гёдель)» [1, С.5].

Приведенный выше перечень идейных новаций финского ученого, как представляется, по меньшей мере, в одном отношении не является исчерпывающим. За скобками перечня оказался вклад финского мыслителя в динамично развивающуюся сегодня аргументологию информационного общества.

Философия теории и практики аргументации, или аргументология в аграрном, индустриальном и постиндустриальном обществе развивалась в основном по следующим направлениям и к тому же неравномерно. В основном в демонстративном, персуазивном, конфирмативном, а также логическом и риторическом ключе, и гораздо меньше по экспликативному и диалектическому (диалогическому) направлениям.

В информационном обществе на передний план аргументологии в силу разных объективных причин и субъективных обстоятельств выдвигаются ее экспликативное и диалогическое направление. Экспликативно-диалогический сдвиг в аргументологии не сложно проследить по творчеству многих ее совре-